Динамит для сеньориты

Автор:
Елизавета Паршина

Динамит для сеньориты

Елизавета Паршина

Женщины в разведке

Елизавета Александровна Паршина родилась в 1913-м году, окончила Военную академию им. Фрунзе и Московский Институт Иностранных Языков. В 1936 была направлена ГРУ РККА в Испанию, где воевала в отряде Артура Спрогиса. Далее работала в главных разведывательных и контрразведывательных управлениях КГБ СССР под руководством генералов Эйтингона, Судоплатова, Белкина. После войны была на нелегальной службе за границей. Книга «Динамит для синьориты» представляет собой мемуары легендарной разведчицы» на «Книга «Динамит для синьориты» – автобиографическая повесть легендарной разведчицы

Елизавета Паршина

Динамит для сеньориты

© Паршина Е. А., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Пароль для нулевого меридиана

Первым на рассвете 1 декабря 1936 года был разбужен начальник станции радиоперехвата в Севилье. Затем начальники служб радиоразведки в Берлине и Риме. Каждому на стол легла удивительная радиограмма, она была не зашифрована и на чистом русском языке сообщала: «МОСКВА КРЕМЛЬ СТАЛИНУ ВОРОШИЛОВУ ИСПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ ПОГИБАЕМ ПРОЩАЙ РОДИНА ПРОЩАЙ МАМА». Исходила радиограмма из района нулевого меридиана центральной части Средиземного моря. Потом руководители разведок вызывали к себе заведующих региональными отделами, и всюду происходил одинаковый разговор:

– Прошляпили?!

Да, за большим тихоходным испанским пароходом «Мар Кариб», приписанным к порту Барселона, следило много глаз. Следили без особого напряжения: куда денется эта тяжелая черепаха! И не уследили. Корабль как в воду канул.

А за две недели до этого загадочного события в тысячах километров от того места происходило нечто еще более странное. Когда растаяли холодные ноябрьские сумерки, еще заспанные жители Севастополя, удивленно протирая глаза, смотрели на стоящий у причала обшарпанный грузовой пароход «Измир» с турецким флагом на мачте. Удивляться было чему. Они прекрасно помнили, как год назад отбывала в Турцию советская делегация. Отбывала на белоснежном сверкающем лайнере «Измир», не чета этому грузовику. Два портальных крана энергично спускали в трюмы самозванца стокилограммовые бомбы, стянутые в блоки по восемь штук. Рядом, ожидая погрузки, стояло несколько танков «БТ», слегка прикрытых короткими кусками брезента. Севастопольцы удивились бы еще больше, если бы узнали, что ни один человек на этом «Измире» ни слова не говорит по-турецки и что после отбытия из Севастополя его больше никто никогда не увидит.

Эти полувековой давности события так навсегда и остались бы загадкой, если б не столь же удивительная находка: пять крохотных, плохо сохранившихся листочков из записной книжки. Текст написан очень мелким почерком химическим карандашом, за много лет потерявшим способность проявляться от воды. Листочки оказались дневником известного советского разведчика Артура Спрогиса, который позже стал мужем моей матери, и в нашей семье, таким образом, сохранились некоторые его документы военного времени.

Удивительной находку дневника я назвал не потому, что он сохранился. Удивителен сам факт того, что разведчик вел дневник, тем более такой опытный и осторожный, как Спрогис.

Артур Карлович Спрогис (1904–1980) уже в 14 лет был разведчиком партизанского отряда «Дикли», в 15 лет – красноармеец, разведчик 7-го Латышского полка, в 16 – сотрудник оперативного отдела ВЧК в Москве. В начале 20-х годов он на Кремлевских пулеметных курсах, когда довелось ему стоять на посту у дверей кабинета Ленина, затем фронты гражданской войны, служба в пограничных войсках, участие в операции по аресту Бориса Савинкова, далее – Высшая пограничная школа ОГПУ. С 1930 года Спрогис – уполномоченный Специального бюро Особого отдела ГПУ Белоруссии и начальник Специальной разведывательно-диверсионной школы в Минске. С декабря 1936 по октябрь 1937 – Испания, потом учеба в Академии им. Фрунзе. В войну 1941–1945 он начальник штаба партизанского движения Латвии, затем заведующий Военным отделом ЦК Компартии Латвии. В послевоенные годы Артур Карлович был наиболее близким другом нашей семьи и многому меня научил. Это был обаятельный, среднего роста, полный, энергичный, но с ленцой мужчина. Говорил покровительственно, но по-дружески, с легкой хитрецой. Очень смел и рационально, иногда до жестокости расчетлив. Вся его философия укладывалась в примитивную формулу: прав тот, кто сильнее. Причем это был не цинизм, а какая-то детская наивность. За несколько дней до смерти, когда мы разговаривали в больничной палате, я неодобрительно высказался о внешней политике СССР. Он молча показал мне глазами на стены и потолок палаты. Тогда я подумал: до чего даже сильных людей калечит система, если они и перед смертью боятся сказать правду. Тогда мне и в голову не пришло, что он боялся за меня. И боялся не зря. Рукопись текста, который вы сейчас читаете, и все документы к нему были изъяты у меня при обыске «как порнографические» (так записано в протоколе) и в 1986 году уничтожены в КГБ «как политически вредные» (так написано в письме Прокуратуры города Москвы 1992 года).

Дестабилизированная экономическим кризисом Европа пошла вправо, и обеспокоенный этим Советский Союз сделал все возможное для торможения этого процесса. В Испанию были посланы тысячи военных специалистов, а из Севастополя в обмен на золото один за другим отходили корабли с оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Но доходили не все. Объявленное западными правительствами невмешательство обернулось для Испании фактической блокадой, поскольку фашистский флот действовал активно, а морские пути были под наблюдением разведок противника. Еще не

сошла со страниц газет судьба советского парохода «Комсомол», в упор расстрелянного у испанских берегов, а из Севастополя отходил уже следующий корабль с названием «Измир», с турецким флагом на мачте и странными людьми на борту.

На этот раз предосторожности были усилены. Название, государственный флаг и внешний вид парохода предстояло несколько раз изменить. Кроме того, корабль был заминирован, и в случае захвата фашистами Спрогис должен был взорвать его вместе с командой и пассажирами.

А. Спрогис: «Пароход был подготовлен к взрыву на случай, если попадемся. Мы везли танки, бомбы, снаряды, сколько-то тонн пороху. Ехали через Черное, Средиземное море, и было очень опасно, потому что пароходы перехватывали. «Комсомол» наш перехватили. Я сделал проводку. Сделал электрическую, сделал шнуром (бикфордовым. – Л. П.), для того чтобы в случае чего…». (Звукозапись автора, 1976 год. Звукозаписи делались, когда у нас дома собирались старые боевые друзья и вспоминали минувшие дни. – Л. П.)

Причастность СССР нельзя было установить даже по трупам:

Л. Хургес, радист корабля, рассказал, что им приказали… «Ликвидировать в своем туалете все признаки советского происхождения. (…) Вооружившись лезвиями от безопасных бритв, принялись за работу. Через несколько минут на воротах наших пиджаков, пальто и сорочек оказались зияющие дыры от споротых фабричных марок «Москвошвей». Мы лишились всех брючных пуговиц, стелек обуви, задней части галстуков, шляпных подкладок и, что самое скверное, брючных ремней, подтяжек и подвязок для носков (в те времена носков с резинками еще не было). Все эти предметы были у нас изъяты как явно разоблачающие “агрессию СССР”».

Затем пассажирам – тринадцати советским военным советникам, летчикам и танкистам – было выдано личное оружие зарубежного производства и фальшивые паспорта.

«Как значилось в моем документе, — продолжает Л. Хургес, – я «получил» его в Польше в г. Кракове, о чем свидетельствовала личная подпись краковского воеводы и его печать. Из штампов следовало, что я «проживал» в Познани, Варне, Лодзи, Варшаве, Дрездене, Варне и Галаце, откуда завербовался в

Мексику, и на этом пароходе следую в Вера-Крус. К паспорту прилагалась легенда, которую я должен был выучить и уничтожить. Согласно легенде, мы с отцом были репрессированы советскими властями. Отец умер в заключении, а мне удалось бежать и через Финляндию попасть в Польшу, где я и получил этот документ. Правда, слабым местом в легенде было то, что, пробыв столько времени в Польше и Германии, я не знал ни одного слова (кроме ругательств) ни по-польски, ни по-немецки и не имел никакого понятия о городах, где столько времени «жил». Другие наши товарищи получили такие же документы, только «выданные» в Болгарии, Румынии и Венгрии». (Из неопубликованных мемуаров Л. Хургеса. Тоже изъяты у меня при обыске и уничтожены в КГБ. – Л. П.)

Лев Лазаревич Хургес был замечательным, веселым и очень общительным человеком, роста невысокого, худощав и очень подвижен. До недавнего времени жил и работал в Грозном, иногда наезжал к нам в Москву. Болтал без умолку, но память великолепная, и знал много интересного благодаря неудержимому любопытству, за которое, естественно, поплатился лагерями. Скончался 18 марта 1988 года. Вот типичный фрагмент нашего разговора:

– Государственный флаг на пароходе меняли?

– У-у-у-у, флаг мы сто раз меняли!

– Сколько?!

– Три.

Всем участникам рейса было категорически запрещено вести любые личные записи, не говоря уже о дневниках. Операции помощи республиканским силам Испании осуществлялись Главным разведывательным управлением Красной Армии.

Покинув Севастополь, однотрубный турецкий «Измир» скрылся в темноте, а утром солнце встретило на черноморских волнах двухтрубный мексиканский «МарТабан», следующий из румынского порта Галац в Мексиканский Вера-Крус.

«Севастопольские умельцы-портовики, — пишет Л. Хургес, – знали свое дело, трубу сделали на загляденье и подкоптили лучше, чем настоящую. Внутри трубы сделали специальную топку, в которой жгли просмоленную паклю, так что дым

из трубы был, как настоящий. Правда, кочегара этой трубы после «дымовой» вахты приходилось по полчаса отмывать в судовой бане».

Из дневника А. Спрогиса: «21 ноября. Идем курсом на Турцию, Босфор. Море сильно качает, у большинства ребят тошнота. Я чувствую себя сносно. Капитан и вся команда – испанцы и ни слова по-русски. Объясняемся через переводчика.

22 ноября. В 7 часов утра, когда встал, впереди в тумане виднеются берега Турции. Вошли в Босфор для медицинского контроля (кораблю пришлось придать его подлинное испанское обличие. – Л. П.) и в десятом часу встали на рейде у Константинополя. Видна прибрежная часть города, дворец Султана. Из-за оформления простояли до вечера. В темноте снялись с якоря и пошли Мраморным морем.

23 ноября. Утром проходили Дарданеллы. У выхода из Дарданелл замедлили ход, чтобы высадить провожающего нас турецкого лоцмана. Ширина Дарданелл около 3 км. По обе стороны на берегах видны земляные укрепления, из-за которых торчат стволы старых пушек. Не внушают солидности. Целый день идем Эгейским морем. Все время справа и слева попадаются острова».

Босфор, Константинополь, турецкий лоцман, Дарданеллы… Можно было не сомневаться, что разведка противника уже засекла судно и теперь с него глаз не спустят. С другой стороны, узкие проливы-ловушки уже пройдены, а в Средиземном море есть где поиграть в прятки. Когда спустился туман, вновь закипела работа: кое-что разобрали, кое-что пристроили, кое-что перекрасили, снова установили фальшивую трубу, и опять поплыл по волнам мексиканский «Мар-Табан».

Из дневника А. Спрогиса: «24 ноября. Целый день идем все тем же морем. Погода туманная. Происходит «маскарад» парохода. Чувствуется, что команда в напряженном состоянии. Наблюдаю за ребятами. Все держат себя крепко, но за некоторыми все-таки замечается нервность. (…) Два человека обращались с вопросом, действительно ли я взорву пароход, если попадемся. Успокоил, что не сразу.

25 ноября. Вчера вечером попрощались с берегом Греции. Вышли в Средиземное море и сегодня целый день идем по нему. Сильно качает. Погода хорошая и, несмотря на сильный ветер, на солнце жарко. Чувствуется близость Африки.

Вчера получил сообщение, что правительственный крейсер поврежден. Команда парохода нервничает. Надо быть начеку».

Действительно, торпедирование испанского республиканского крейсера 1 класса «Мигель Сервантес» значительно снижало силы ожидающего транспорт конвоя. На следующий день предстояло пройти самую узкую часть Средиземного моря, где легко себя обнаружить и где их наверняка поджидали фашисты. Поэтому решили уйти подальше от морских путей и обойти Мальту с юга.

Из дневника А. Спрогиса: «26 ноября. Утром вправо Мальта, влево Африка. Идем далеко от берега. Ничего не видно. Опасная зона. У всех нервное, напряженное состояние. Видно, некоторые ребята сильно волнуются. Не понимаю, почему-то у меня никаких переживаний. Ночью проходим самое узкое место Средиземного моря между Африкой и итальянской Сицилией. На горизонте увидели огни трех кораблей, приняли за неприятельскую эскадру. Вот когда выяснилось, кто больше всего боится. Корабли оказались рыбацкими суднами. Наблюдаю за ребятами. Хотя первое напряжение прошло, все равно ждут опять, не появятся ли новые. Все знают: если встретится неприятель, обязательно потопит. Но стоит ли волноваться? От этого не легче. Лег спать».

Можно представить, как в разведцентры противника полетели сообщения: «В контрольный срок судно между Мальтой и Сицилией не прошло». Прежде чем начать поиски, фашисты, видимо, решили подождать еще сутки.

Из дневника А. Спрогиса: «27 ноября. (…) Ребята спят. Получили ночью радиограмму, что нас встретит дружественный флот. Это, видно, всех немножко успокоило. Скучно. Никто не хочет играть ни в шахматы, ни в карты. Сыграют партию и бросают, жалуясь на утомленное состояние, головную боль, а сами целый день ничего не делают. Читать нечего, все прочитал. Что делать? Волноваться, как большинство, не могу. Пробую изучать испанский язык. Тяжелый. Идем все время вдоль берега. Оказывается, это французская колония Тунис».

Когда фашисты так и не дождались судна, на береговых аэродромах завыли сирены.

Из дневника А. Спрогиса: «28 ноября. Все те же африканские берега. Ничего интересного. К вечеру пролетели два гидросамолета, через чес показались на горизонте 4 парохода. У всех очень напряженное состояние, боимся встретиться с неприятелем. Каждый знает, что достаточно одного снаряда или бомбы с самолета, чтобы взлететь всем пароходом в воздух. В виде шутки появилось сравнение, что «сидим на пороховой бочке с горящей сигарой во рту». По радио наш переводчик перехватил из Франции сообщение, что бомбардировали порт Картахену, все корабли потоплены, порт разрушен и т. п. Приказал эти сведения не распространять. Надо во что бы то ни стало сохранить моральное состояние команды. Особенно волнуются машинисты. Наша группа, за исключением некоторых, держит себя хорошо. Завтра должны пройти мимо Алжира…».

Из мемуаров Л. Хургеса: «Надо сказать, что душевные переживания не очень сильно повлияли на наш аппетит, и к концу пути мы подъели все начисто и в Картахену привезли лишь одного для шутки или по ошибке погруженного козла Ваську. Его, несмотря на все покушения кока, команда отстояла, хотя даже капитан велел отправить его за борт. Вообще, этот Васька сыграл немалую роль в поддержании общего морального духа. Обладая весьма живым и общительным характером, козел легко перегрызал веревку, которой был привязан, перелезал через загородку и шнырял по пароходу, появляясь внезапно в самых неожиданных местах. Где только не прятали козла от капитана и кока: и в кочегарке, и в бане, и в штурманской рубке, и даже однажды, когда опасность была особенно велика, в святая святых парохода – моей радиорубке».

Из дневника А. Спрогиса: «29 ноября. Все идем вдоль берегов Африки. Проходим мимо Алжира. В бинокль хорошо видны дома, пристань. Красивый город. Расположен на склоне большой горы или, вернее, горного хребта. Сильный встречный ветер и качка.

30 ноября. Утром на горизонте показались четыре эсминца. Напряженное состояние у всех. Весь вопрос – чьи они? Через полтора часа, когда подошли ближе, оказались английские военные корабли. Ушли мимо. Идем вдоль берега тихим ходом. Проходим мыс Тенес. Спешить некуда. Точно с наступлением темноты должны подойти к мысу Иви, чтобы на 90° изменить курс и за ночь проскочить самую опасную зону, т. е. пересечь в этом месте за ночь море (Средиземное. – Л. П.) и с наступлением рассвета прибыть в порт Картахена. В открытом море нас должен встретить дружественный флот. Пойдем без огней, сигналы установлены».

Встреча была назначена в середине Средиземного моря, когда судно будет пересекать нулевой меридиан. Были установлены пароль, отзыв и сигналы. К берегам Испании они должны были подойти уже под охраной республиканского конвоя. Но их ждали и фашисты. Их искали.

Из мемуаров Л. Хургеса: «Именно на этом участке, который никак нельзя обойти, нас должен был встречать франкистский флот, а персонально – его флагман, линейный крейсер немецкой постройки новейшейсистемы, обладающий большой скоростью, дальнобойностью и калибром артиллерии, знаменитый «Канариас» – гроза всего флота Республики. Встреча с «Канариасом», даже под охраной конвоя, ни у кого, конечно, радости вызвать не могла, ибо, пользуясь преимуществом хода и дальнобойности, «Канариас» может обстреливать нас, сам оставаясь неуязвимым, а много ли надо нашей «пороховой бочке с зажженным фитилем?».

Из дневника А. Спрогиса: «1 декабря. От мыса Иви взяли курс прямо на Картахену. Шли без огней полным ходом, сколько может дать машина. Напряжение у всех в высшей степени напряженное. (Спрогис, видно, и сам волновался: вместо «состояние» написал «напряжение». – Л. П.) Шли всю ночь. Наши военные корабли в условном месте нас не встретили. К утру, когда уже подходили к берегам Испании, вдруг в темноте появились два военных корабля. Приказали остановиться…».

Из мемуаров Л. Хургеса: «Москва все твердит: «Флот вышел вас встречать. Не беспокойтесь. Смело идите вперед». Но уже прошли треть пути до Картахены, где нас должны были встречать – флота нет. Прошли половину пути – флота нет. Прошли две трети пути – море безлюдно. Нервы у всех напряжены до предела, только Артур Спрогис в своем коверкотовом реглане хранит привычное (но, конечно, напускное) спокойствие. Начинает понемножку светлеть, а мы одни и совершенно беззащитны с нашим адским грузом. Москва все успокаивает: «Флот вышел вас встречать. Флот вас ищет». Какой черт «ищет»! Уже вырисовываются испанские берега. Капитан дает команду остановить машины: время военное, впереди минные поля, без лоцмана не пройти. А Москва засыпает нас утешительными радиограммами, Ваня еле успевает их расшифровывать, а Спрогис вскользь просмотрит и небрежно сунет в карман. Выхожу на палубу с очередной радиограммой и с удивлением обнаруживаю, что мы уже не одни. Когда и откуда появились эти военные корабли, я за работой даже не заметил. Один эсминец стоит почти вплотную у нашего правого борта, а второй несколько сзади, загораживая нам выход в море. Эсминцы номерные, без флагов и

опознавательных знаков. Навели на нас 105-мм орудия и торпедные аппараты…».

А. Спрогис (звукозапись 1976 года): «Мы остановились. У нас был пропуск и пароль – все, что полагается. Мы говорим это самое, условное, а капитан миноносца не обращает внимания и никакого отзыва на пароль не дает. Мы поняли, что нас захватили фашисты. Миноносец в 50–70 метрах остановился, через рупор переговариваемся. Я подумал, что нет смысла с десятком их солдат взрываться. Лучше целиком. С нашим грузом на десять миноносцев хватит. Пока они опустят шлюпку, время еще есть. Я говорю капитану (у меня переводчик из итальянского ЦК комсомола был): «Все равно взрываться надо, давай ему в бок!». Капитан дает: «Полный вперед! На миноносец!». А пароход большой, груженый, начинает двигаться тихо, ползти на фашистов. Переводчик уже с мостика спустился, круг схватил, шифровальщик шифр уничтожил, а Лева (Хургес. – Л. П.) открытым текстом в Москву: «Исполнили свой долг. Погибаем. Прощай родина, прощай мама» (общий смех). Особенно мне «прощай мама» запомнилось».

Из мемуаров Л. Хургеса: «Тут только надо было в оба следить за командой (она состояла из анархистов и на всякий случай под предлогом взрывоопасности груза была разоружена. – Л. П.), ибо в любое время можно было ожидать бунта (их было раза в два больше, чем нас) с целью захвата парохода и сдачи его фашистам в обмен на свои жизни. Все мы привели в боевое состояние свои пистолеты, Артур достал гранаты, и мы сгрудились около радиорубки. Поняв, что толковать с нами о сдаче парохода врагу бесполезно, команда разбрелась кто куда, но их взгляды не выражали особой симпатии. Москва все время беспокоятся, зовет непрерывно, но я ни понять их, ни передать ничего не могу – нет кодов».

А. Спрогис (звукозапись 1976 года): «Вдруг капитан миноносца как начнет ругаться: «Ты! Фашист вонючий! Куда лезешь?!». Это он, значит, нас фашистами называет. Оказалось, это судно береговой охраны республиканцев. Пароль знали только крейсеры, с которыми мы в пути разминулись, а охрана о нас вообще понятия не имела, чтоб не распространять. Вот тут… я не понимаю… Лева убежден, что нас два миноносца захватили. Ну хоть убей меня – я знаю, что один. Я говорил с ним совершенно серьезно, без всякой трепотни. Но он настолько убежден! Даже мысли не допускает. Но вот хоть убей меня, под присягу, под расстрел – один был. Один». (Напомню, что в дневнике Спрогиса записано: «Вдруг в темноте появились два военных корабля». – Л. П.)

Из мемуаров Л. Хургеса: В свое окончательное спасение мы поверили только тогда, когда на подходе к Картахене перед нами услужливо открылись боны порта, а на мачтах наших «конвоиров» взвились красно-желто-фиолетовые флаги Республики. Радостными криками «виват!», «салют!», «ура!» реагировали мы и команда парохода на появление Картахены. Невозможно представить себе радость людей, спасшихся от, казалось, неизбежной смерти. Все обнимают друг друга, у многих на глазах слезы. Тут уж не выдержали даже мои «железные нервы». Не в силах сдержать себя и стыдясь своих слез, я побежал в свою рубку и там, лежа ничком на койке, меня несколько минут сотрясали почти истерические рыдания, но дверь я успел запереть, и никто не видел мою минутную слабость. И вот перед нами широко открыты боны картахенского порта, и мы «как герои» следуем мимо кораблей военного флота, так и не вышедшего, несмотря на все заверения Москвы, нас встречать и в случае нужды защитить, но теперь не жалевшего ни меди оркестров, ни холостых залпов артиллерии на торжественную встречу “героев”».

Когда теперь эти люди собирались у нас дома, вы бы на них посмотрели! Крик, шум стоит, друг друга перебивают, за рукава дергают, а хохоту сколько!

Из разговора за столом (звукозапись 1977 года):

Паршина: «Получили твою радиограмму, которую ты с парохода тогда, нет?».

Хургес: «Получили…» (общий смех).

Паршина: «А маме не успели передать?».

Хургес: «Не маме. Сталину и Ворошилову».

Паршина: «Нет, ты в конце «прощай мама» прибавил!».

Хургес: «Не-е-е-е-т, это брехня… Кто это сказал?!».

Паршина: «Да Артур сказал!».

Хургес: «Не-ет, не-е-ет. Пусть он не брешет! Никакой «мамы» не было!..» (шум, смех).

Из дневника А. Спрогиса: «1 декабря (продолжение). Утром зашли в порт Картахена. Началась выгрузка. Вечером уехал на машине в Валенсию».

Москва, 1985

Динамит для сеньориты

Из предисловия К. М. Симонова

В тридцать шестом году, когда происходило все то, о чем вы сейчас прочтете, не было этого дома, в одной квартире которого мы сидим сейчас втроем с Елизаветой Паршиной и Артуром Спрогисом.

Не было ни этого проспекта, ни всего этого района, застроенного новыми и новейшими домами. Другой была Москва. И мы все тоже были другими. Елизавета Паршина была совсем девчонкой, студенткой института иностранных языков; я учился на третьем курсе Литературного института. Артуру Спрогису, хотя и старшему из нас, тогда тоже было всего-навсего тридцать, а не под шестьдесят, как теперь.

Я, как и многие сверстники тогда, в тридцать шестом, мечтал поехать в Испанию. Но мне это тогда не удалось. Война пришла в мою жизнь на три года позже и совсем в другом уголке земли – в Монгольской пустыне. А у этих двоих, сидящих сейчас передо мною товарищей – у них вышло: они поехали в Испанию.

Артур, латыш по национальности, вступил в интербригаду и командовал отрядом, действовавшим в тылу фашистов, а Елизавета Александровна стала переводчицей этого отряда и не только основательно пополнила свои знания испанского языка, но и научилась владеть оружием.

А впрочем, она гораздо лучше меня расскажет обо всем этом сама в той документальной повести, которую вы прочтете.

Мне, пожалуй, надо добавить только то, о чем она не пишет. Она вернулась из Испании, награжденная двумя боевыми орденами – такими, которых не получишь просто за хорошее и даже отличное звание языка. И еще хочу сказать несколько слов о том, как родилась эта рукопись. Может быть, читателям это будет интересно.

Несколько лет назад я получил письмо. Моя корреспондентка писала о книге «Живые и мертвые» и о персонаже этой книги – летчике Козыреве. Она в чем-то соглашалась со мной, в чем-то спорила, а главное, вспоминала некоторых людей, бывших в Испании, – живых и мертвых. Она вспоминала о них в своем письме с той живостью воображения, с той цепкой памятью на подробности, которая убеждала: она может писать, хотя, кажется, сама не подозревает о такой способности.

Прочтя это письмо и ответив на него по существу, я в конце посоветовал Елизавете Паршиной непременно написать записки о том, что она видела и пережала в Испании.

Она не сразу взялась за работу, колебалась, не решалась. А потом все-таки напасала вот эти записки, часть которых вы сейчас прочтете. Не знаю, понравятся ли они вам, но я читал с волнением.

Из письма Х. Д. Мамсурова

Лиза, извини, что задержал рукопись. Каких-либо серьезных замечаний к ней нет. Написано, как было, хорошо и от души. Конечно, можно было бы многое добавить. Но ведь это область необъятная, поэтому я не стал делать замечаний и заметок. Хорошо так, как есть, а то ведь можно и испортить, даже руководствуясь благими намерениями. Крепко жму руку отважной Лизе (Хосефе), к которой отношусь всегда с большим боевым и товарищеским уважением.

Хаджи

Из предисловия А. К. Спрогиса

О войне в Испании написано немало. И все же автор предлагаемых воспоминаний, не пытаясь делать обобщений или анализировать стратегические операции или общий ход событий, рассказывает много интересного. В те далекие годы Елизавета Александровна Паршина была молоденькой девушкой, и впечатления складывались у нее соответственно ее возрасту и сравнительно небольшому жизненному опыту. Елизавета Александровна постоянно находилась при разведывательно-диверсионном отряде, состоявшем из андалузских шахтеров. Все это запечатлено в книге, большая часть ее – дневник, который Паршина вела в Испании. Автор рассказывает только о том, что видела сама. Е. А. Паршина не только наблюдала, что происходит вокруг нее. Она принимала личное участие во всех серьезных операциях отряда в тылу фашистов. В 1937 году на фронте под Малагой и Гранадой, в боях за Андалузию, а также под Толедо отряд уже имел на своем счету семнадцать уничтоженных воинских эшелонов противника. Там фашисты перебрасывали по железной дороге с юга на Мадрид войска и снаряжение, прибывающие из фашистской Италии и Германии. В тылу врага было захвачено в плен несколько фашистских офицеров. Отряд проводил операции на широком фронте от Андалузии до Арагона.

В отряде Е. А. Паршину очень уважали не только потому, что она находилась с нами в самые опасные минуты, но и за постоянную заботу о бойцах и их семьях.

Ни один боец отряда не забывал во время боя, что среди них – девушка. Е. А. Паршиной не раз приходилось участвовать в рукопашных схватках. На моих глазах храбрая переводчица в ближнем бою уничтожила двух фашистов и возвратилась, захватив оружие врага. При необходимости я поручал ей самостоятельно руководить операциями, и она всегда успешно с этим справлялась.

Спрогис А., полковник в отставке, бывший советник по войсковой разведке в республиканской армии Испании

Глава 1. «В испанию поедете?»

В Москву наша семья приехала примерно в 1929 году с Волги. Отец – Александр Николаевич, мать – Лидия Георгиевна, старшая сестра Алла и я. Отец был инженером-химиком, его пригласили в какой-то институт заведовать лабораторией. В 1935 году я окончила Институт новых языков и начала работать в «Интуристе» переводчицей французского.

Прошло несколько месяцев. Когда началась война в Испании, в Советском Союзе поднялся ураган протестов. Проходили собрания, митинги, писали на первых полосах газет, не умолкало радио, собирались деньги, писались письма… Конечно, для нашей страны такой поворот событий не предвещал ничего хорошего, поэтому аппарат пропаганды работал изо всех сил. Таким образом, испанские события стали для большинства населения личной бедой, гибель испанцев – собственным горем, борьба с фашистами – страстным желанием. Заявления сыпались тысячами, подростков с поездов снимали сотнями. Ни я, ни мои подруги и не надеялись на такое счастье, но когда однажды в кабинете начальника засела какая-то комиссия, сердце екнуло…

За столом сидело человек шесть-семь, все мужчины и все в штатском.

– Лиза Паршина, одна из лучших переводчиц, – сказал начальник.

Поглядывая на меня, полистали бумаги.

– Хороший загар. Отдыхали?

– Да.

– Далеко?

– В Дагестане. По горам ходили.

– Хорошо ходите?

– Километров по двадцать-тридцать в день, —двое с военной выправкой переглянулись.

– Международное положение знаете?

– Конечно.

– На каких языках работаете?

Я поняла, что этот вопрос решающий. Испанский мы немного «проходили», но до знания было весьма далеко.

– Французский, испанский.

– Сказать что-нибудь можете?

– Буэнос диас… камарадас…

– А почему отвечаете на испанском?

Я растерялась и промолчала. Те двое снова переглянулись.

– Вы замужем?

– Нет.

– Семья?

– Родители и сестра. Все в Москве.

– В командировку поедете?

– Поеду.

– А если далеко и надолго?

– Поеду.

– А если в Испанию?

– Поеду.

– Хорошо, можете идти. Если нужно будет, мы вас еще пригласим. О нашей беседе никому говорить не надо.

Утром следующего дня меня и одну из моих подруг предупредили, что за нами «приедут». Часов в двенадцать действительно появилась молодая приятная женщина, сотрудница Главного разведывательного управления Красной Армии, Гуковская. Трудно сейчас сказать, в каком я была состоянии, помню только, что все происходящее доходило до меня, как с киноэкрана. Может быть, от волнения я и заболела – началась двухсторонняя ангина, но я сделала все, чтобы не показать этого. Гуковская на машине отвезла нас в специальный закрытый магазин, расположенный в Центральном универмаге, и велела выбрать все, что нам нужно. Тут уж мы не растерялись и выбрали все – от чулок до шляпок с вуальками.

– Вам это доставят, – сказала Гуковская и отвезла нас обратно.

Часов в восемь она снова приехала, привезла нам вещи, вручила паспорта, деньги, билеты на поезд и сказала:

– Через три часа ваш поезд. Поедете до Парижа, явитесь в наше посольство, дальше вам скажут. Об отъезде ни с кем не говорите и ни с кем не прощайтесь. Ни с кем, – и уехала.

Мы так и остались стоять с открытыми ртами и хлопающими глазами и, похоже, с такими же лицами ехали до самого Парижа. В моих документах было сказано, что я работаю машинисткой в советском консульстве в Испании. В Париже наше появление было встречено так же буднично, как появление почтальона. Нам выдали около тысячи долларов и велели лететь из Тулузы в Барселону.

– Там вас встретят.

И мы полетели. Вышли в Барселоне на летное поле и со все возрастающим беспокойством стали наблюдать, как рассасываются прилетевшие с нами пассажиры, пока не остались совершенно одни. Посовещавшись, уселись на свои чемоданчики и стали ждать «чего-нибудь». Через минут тридцать к нам подошел элегантный служащий аэродрома и очень вежливо поинтересовался, не потерялись ли мы и не надо ли помочь. Документы мы решили не показывать, а объяснить ничего не могли, потому что языка почти не знали. Однако он ничуть не удивился и любезно отправил нас в город на служебной машине. Одетый в военную форму водитель, тоже ничего не спрашивая, привез нас в отель «Мажестик» и уехал. Только здесь, сняв номер, я поняла, что мне совсем плохо. Ангина была в разгаре. Я попросила подругу положить мне на голову мокрое полотенце.

– А полотенца нет, – ответила она без малейших эмоций. – Мы забыли чемоданы в машине.

Я моментально забыла про ангину, и мы побежали к портье поднимать тревогу. Он долго и с большим удивлением выслушивал наши сбивчивые горячие объяснения и, как только обозначилась первая пауза, спокойно сказал:

– Почему вы так беспокоитесь? Как только шофер увидит чемоданы, он сразу привезет их обратно…

Мы замолкли, переваривая услышанное. «Господи, мы ведь уже за границей…». Действительно, минут через сорок чемоданы внесли в наш номер. Мне снова стало плохо. В этот момент зазвонил телефон.

– Да? – спросила я машинально.

– Лиза?

– Да… – ангину снова как рукой сняло.

– Ты еще там?

– В каком смысле? – спросила я потрясенно.

– Ты еще не уехала?

– Я…

Кто это? Откуда он знает, в какой я гостинице и даже в каком номере? Невероятно…

– Лиза!

– Да…

– Это ты?!

– Я…

– Почему ты не выезжаешь?!

– Куда? Я только приехала…

Теперь наступила пауза на том конце провода.

– Кто это говорит? – спросил он, наконец.

Оказалось, это звонил знаменитый Михаил Кольцов. Его жену тоже звали Лиза, и жила она в этом номере до момента нашего заселения. Он объяснил нам, что делать и куда идти, и дальше все вошло в свою колею. Началась работа в Испании.

Глава 2. На Центральном фронте

В то утро заря занялась дружно. Быстро светало. Небо без единого облачка. Но это нас не обрадовало: если таким будет весь день, то фашисты успеют отбомбиться несколько раз. Весь летный состав уже на поле. В небе еще мерцают крупные южные звезды. Воздух резкий, колючий. Зима под Мадридом

довольно холодная, но почти бесснежная. На командном пункте всегда холодно. Во всей Кастилии, кажется, зимой нет уголка, где можно было бы согреться.

Мое дело – сидеть у телефона и ждать, когда позвонят с наблюдательного пункта «Телефоника», самого высокого здания Мадрида. Это должно случиться с минуты на минуту, и я с самого рассвета держу телефонную трубку, а сама смотрю в окно и дую на застывшие пальцы. Первые лучи солнца медленно скользят по траве, слизывая хрупкий иней.

– Хосефа, ты слушаешь? – раздается в трубке голос наблюдателя.

– Слушаю.

– Сейчас на улице Алкала упал снаряд.

– Я не слышала разрыва. Наверно, далеко.

– Нет, не очень, но он не взорвался. Что-то сегодня не видно «юнкерсов»…

Я молчу, хочется спать. Может быть, они сегодня не станут бомбить Мадрид? Мысли рассеиваются, вспоминаются первые дни приезда в Испанию и разочарование, когда вместо фронта меня направили в штаб авиации. Там мне выдали красивую бумагу с огромной печатью. В бумаге значилось, что сеньорита Хосефа Перес Эррера направляется на аэродром в Альбасете. Эта бумага стала единственным документом, с которым я не раз пересекала из конца в конец всю республиканскую территорию, побывала на всех фронтах и даже переходила линию фронта; нигде ни разу мне не напомнили, что, согласно документу, я обязана пребывать на аэродроме в Альбасете. Такие здесь порядки. Законы и приказы в Испании пишут не для женщин…

– Хосефа, ты слушаешь? – снова прерывает мои размышления наблюдатель.

Начальник штаба, полковник Федосеев, заглядывает на командный пункт и на минуту задерживается в дверях.

– Связь с Мадридом есть? – спрашивает он строго.

– Наблюдатель у аппарата.

– Скажите…

В этот момент в трубке раздался взволнованный голос наблюдателя:

– Идут! Три… Пять…

– Пять в воздухе! – повторяю я громко.

– Курс? – спрашивает начальник штаба.

– Девять… Пятнадцать… На Мадрид! – продолжает наблюдатель.

– На Мадрид пятнадцать!

Начальника штаба как ветром сдуло. На поле уже рокочут моторы. Стартеры торопятся к последнему звену истребителей. Через минуту самолеты отрываются от земли, проносятся над головой, и вот уже гул замирает вдали. В ушах остается тонкий звон, как будто порвалась и тихо вздрагивает невидимая струна. На поле еще не улеглась рыжая сумятица пыли и сухих осенних травинок.

– Хосефа, ты слушаешь? – снова окликает наблюдатель.

– Слушаю…

– Двадцать семь, изменили курс, идут на вас…

Кидаю трубку и бегу докладывать. Федосеев еще на поле. Его плотная невысокая фигура виднеется вдали около дежурного звена Сережи Черных. Бегу к ним и кричу, но меня не слышат. Остаются считанные минуты, от Мадрида до нас тридцать километров; бомбардировщики будут здесь через три-пять минут.

Наконец, меня заметили, и начальник штаба, словно догадавшись, зачем я выскочила, посмотрел на горизонт в сторону фронта. Там, высоко в небе, уже

показались черные точки. Опытным глазом он сразу опознал «юнкерсов». На аэродроме мигом все пришло в движение. Стартеры и грузовики, наспех подобрав в поле рабочих и механиков, направились в сторону – подальше от аэродрома. На командном пункте капитан Рамос торопливо звонит по телефону, но резерва истребителей на соседних аэродромах не оказалось: все в воздухе, на других боевых операциях. «Юнкерсы» уже близко. Дежурное звено поднялось в воздух и пошло им навстречу. В последнюю минуту мы вскочили в машину и тоже выехали за пределы аэродрома, но далеко отъехать не успели, пришлось вылезти из машины и залечь метрах в трехстах от аэродрома. Началась бомбежка. Когда взрывы сливаются в сплошной гул, я перестаю чувствовать, что земля холодная и твердая… Над аэродромом поднимается темный занавес дыма и пыли. Ветер несет на нас оттуда всякий мусор. Если бомбить будут не очень метко, то пара – другая бомб может залететь и сюда… Несколько «юнкерсов» проносятся над нами, а с аэродрома опять слышны взрывы. Прижимаюсь плотнее к земле и чувствую себя как ребенок, который впервые узнал, что «коза» – это не рогулька из двух пальцев…

Когда новизна ощущений проходит, начинаю присматриваться к тому, что происходит в воздухе. Наши истребители яростно атакуют, но их только три. Они то взмывают вверх, то пикируют в самую гущу «юнкерсов», проносятся через их строй, снова набирают высоту и опять пикируют. Постепенно бой перемещается к горизонту, становится тихо. Начальник штаба хмуро смотрит вслед удаляющимся самолетам.

– У них уже должны были кончиться патроны…

На аэродроме жарко горели оба ангара. Рабочие выкатывали из них авиетки. На летном поле десятки черных воронок и навалами развороченная земля. Помещение командного пункта сильно пострадало, всюду раскрошенный кирпич, красный, как раны. Внутри полный разгром. Осколками пробито решительно все – спинки и ножки стульев, забытый на столе портфель, а наблюдатель на вышке каким-то чудом остался невредим.

Через несколько минут над полем раздается привычный нарастающий гул наших возвращающихся истребителей.

– Куда их несет! – крикнул, выбегая на поле, начальник штаба. Я кинулась за ним, стараясь на бегу подсчитать, все ли вернулись.

– Отставить посадку! – кричит Федосеев, взмахивая коротенькими руками. – Побьются, черти!

Истребители кружат над аэродромом, выбирая место, но садиться решительно негде. Один все-таки изловчился и сел, да, наверно, и сам был не рад – начальник штаба погрозил ему кулаком, но потом махнул рукой и пошел на командный пункт. Другие самолеты, покружив немного над аэродромом, ушли приземляться на другие.

– Ступайте к телефону, Хосефа! – в сердцах прикрикнул на меня начальник штаба.

– Сначала надо бы разыскать телефонную трубку, – ответила я с досадой.

Хотелось расспросить летчика, единственного, приземлившегося среди воронок, как протекал воздушный бой и удалось ли тем, кто вылетел на Мадрид, перехватить «юнкерсов» на обратном пути. Оказалось, что удалось и двух «юнкерсов» сбили у самой линии фронта. Приземлился «дома» Алексей Минаев, ведомый дежурного звена. Он подтвердил, что патроны у них действительно кончились, но они продолжали преследовать противника до самой линии фронта. Вернувшись на командный пункт, я осмотрелась и поняла, что делать там нечего. В ближайшее время наладить телефонную связь невозможно. Все провода порваны, и телефонную трубку действительно не отыскать. Через пролом в стене было видно, как догорают ангары.

Начальник велел собираться в Алкалу. Здание, в котором временно была столовая, выходило фасадом на единственную в Алкале площадь. В середине ее, укрытый щитами и мешками с песком, был чугунный монумент Сервантесу, напротив – отель «Сервантес», где размещались наши советники и штаб истребительной авиации. Наскоро переодевшись, я пошла в столовую. Наверно, раньше здесь был монастырь. Зал выглядит величественным и немного мрачным. Своды теряются в полумраке, огромные узкие окна, глубокие ниши в каменных стенах, пол выложен каменными плитами, как и в большинстве старинных зданий. За длинным деревянным столом собрались все экипажи эскадрилий и сотрудники штаба. Обед прошел оживленно – в этот день обошлось без потерь. Все места заняты, на столе не было лишних приборов, которые обычно ставили для тех, кто не вернулся…

Конечно, обсуждали события дня.

– Почему вы кружили над полем, когда вернулись? Разве вы не поняли, что начштаба запретил посадку? – спросила я Сережу Черных.

– Поняли, – ответил он, смеясь. – Хотели сосчитать, все ли у вас целы…

Сосчитать было нетрудно. Мы все бегали по полю и махали руками, боялись, что ребятам захочется сесть поближе к столовой и они побьются на посадке. Оказалось, что соседний аэродром в Гвадалахаре тоже бомбили и жертв не было. У начальника штаба родилась хорошая мысль: сделать ложный аэродром, чтобы фашисты бомбили его вместо нашего. К осуществлению этой идеи приступили на другой же день. Подходящее место нашли километрах в двадцати от Алкалы. Через неделю аэродром был готов и полностью оборудован по типу посадочных площадок. По краям поставили фанерные самолеты, а зенитную артиллерию изображали бревна. Конечно, все это было соответствующим образом «замаскировано». Мой начальник полетел принимать работу, захватил и меня, чтобы на месте можно было внести поправки. Пока он обсуждал со строителями детали, я забралась в фанерный самолетик – укрыться от ветра. Но и там было холодно. Когда я окончательно замерзла, пришлось вылезать. Поле было пусто. Наша авиетка улетела, про меня просто забыли. До вечера я успела промерзнуть до костей. Того, что фашисты прилетят бомбить именно теперь, можно было не бояться. Сначала они обычно высылали разведчика выяснить, что за объект и чем прикрыт с земли. Но вдруг за мной не приедут и завтра? Впрочем, переводчик так или иначе утром потребуется… Начало темнеть, но никто не появлялся. Я стала не на шутку злиться. От обиды хотелось, чтобы «аэродром» бомбили, пусть бы даже меня ранили, и начальнику попало бы от командующего…

Машина пришла за мной ночью. С этого дня я твердо решила уходить из авиации на фронт. Мне казалось, что мое положение здесь унизительно. Все летчики летают в бой, а я вечно остаюсь на поле, одинокая и ненужная. Конечно, было жалко расставаться с эскадрильей и хорошими товарищами, но расстаться с начальником жалко не было.

Вскоре случилось и еще одно несчастье, которое заставило меня предпринять решительные действия. Случилось это в декабре 1936 года. Рассвет наступил в плотном тумане, на востоке ни проблеска. Едва можно было различить на поле боевые машины. В них сидели только летчики дежурного звена. На командном

пункте стало тесно и теплее, чем обычно. Время приближалось к полудню, а туман не рассеивался. В одном из самолетов молодой летчик объяснял испанским паренькам, как приводят в действие пулеметы. Ребята шумели, каждому хотелось прикоснуться к пулемету рукой. На летном поле не видно ни души. Из ангара вышел рабочий с ведром и пучком концов для обтирки фюзеляжей. Он шел не спеша, закончив какую-то работу. По синему ватнику и меховой шапке я узнала нашего русского рабочего, Василия Кабанова. Поравнявшись с самолетом, в котором шумела молодежь, он повернул голову и посмотрел, что там делается. В эту минуту раздалась пулеметная очередь, и Кабанов остановился… Я смотрела, но не понимала, что произошло. Кабанов выронил из рук ведро, наклонился вперед и без звука повалился на землю.

Пока врач добежал до того места, санитарная машина уже стояла подле с открытой дверцей, но носилок не оказалось, и раненого понесли к машине на руках. Врач сказал, что оперировать надо немедленно, из командного пункта вынесли стол и положили на него Кабанова. Обязанности сестры пришлось выполнять мне. Не знаю почему, но на аэродроме сестры не оказалось, а второй врач ассистировал хирургу. Рана была выше колена, широкая, как блюдце, и с рваными краями. Для анестезии ничего под рукой не нашлось, бежать на медпункт времени не было, кровь била из раны струей. Кабанов не кричал и даже не стонал, хотя был в сознании. Когда очищали рану, все тело его было напряжено до предела и временами вздрагивало. Кабанов все порывался взглянуть на свою ногу.

– Не надо, чтобы он смотрел на рану… Держите голову, – просил врач по-испански.

– Что он делает? Что у меня с ногой? Я ее не чувствую… Боль где-то выше…

Голос его был глухим, хрипловатым, но твердым. Врач нервничал и все время с опаской посматривал на раненого. Наверно, боялся, что тот не выдержит и сделает резкое движение. Но Кабанов хорошо владел собой. Лицо его посерело, губы запали внутрь, на висках билась синяя жилка.

– Что он делает?

– Сейчас зашивает, – ответила я наобум, самой было больно смотреть на эту рану. – Потерпи еще немного.

В городском госпитале Кабанова поместили в общую палату, где лежало человек тридцать. Больные встали и, скрипя костылями, стали подходить к его койке. Кабанов лежал на спине с полузакрытыми глазами. После укола боль, наверно, унялась, но его бил озноб. Был уже поздний вечер, а я сидела у койки и не могла уйти. Ведь во всем госпитале никто не говорил по-русски. Принесли чашку горячего кофе, но уговорить Кабанова выпить не удалось. Ему становилось хуже.

Вдруг в дверях послышался какой-то шум, крики и возня. Кто-то требовал, чтобы его впустили, и санитары не смогли его удержать. В палату ворвался какой-то паренек. Он сразу нашел глазами койку Кабанова и, упав на колени, уткнулся лицом в угол матраца. Кабанов заволновался, хотел приподняться и не смог.

– Скажи, пусть встанет, – обратился он ко мне.

Мне удалось поднять только голову парнишки, с коленей он не встал. Лицо его было залито слезами, и глаза полны отчаяния. Он всхлипывал и глотал слезы, потом быстро-быстро заговорил.

– Что он говорит? – спросил Кабанов тихо. Силы его оставляли.

– Просит простить его, он нечаянно.

Это был тот паренек, который случайно нажал на спусковой крючок пулемета.

– Верю, – ответил Кабанов мягко. – Скажи, что не сержусь. Чего уж теперь… Эх, сынок! Что ты со мной сделал? Мне ведь и повоевать-то не пришлось…

Я переводила все слово в слово, понимая, как это важно сейчас для обоих. Присутствующие начали понимать, что произошло. Вся палата пришла в волнение. Один из раненых подошел ко мне и спросил:

– Это ваш муж? – голос его дрогнул, и лицо побледнело от волнения.

– Нет, просто товарищ, это наш рабочий с аэродрома…

– Рабочий?

Видимо, он был чем-то поражен.

– Смотрите! – сказал он всем. – Он даже не упрекает за то, что тот его ранил, он назвал его сыном…

Раненые стояли и растерянно смотрели на осунувшееся лицо Кабанова. Кто-то украдкой всхлипнул. Я попросила раненых разойтись:

– Не надо так… он может подумать, что его состояние безнадежно…

Люди разошлись, и в палате воцарилась тишина. Скоро наркоз перестал действовать, и Кабанов снова заметался на койке. Я попыталась отвлечь внимание раненого от боли, стала расспрашивать его о семье. Кабанов с легкой досадой отмахнулся.

– Глупенькая ты. Эта боль почти нестерпима. Я думаю, что не выживу… Но не хочу умирать, ведь я не убил еще ни одного фашиста! Я ничего не успел сделать…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/parshina_elizaveta/dinamit-dlya-sen-ority

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить